

Недавно один из руководителей ОРТ сказал в разговоре с журналистами, что упрекать 1 канал в замене ранее объявленных программ некорректно: виноваты во всем газеты, публикующие нелегально добытые и потому неточные программы. «Если издание официально покупает у нас программу, никаких несоответствий между напечатанным и показанным быть не может».

Жаль, мы не выяснили тогда еще один вопрос: как относится ОРТ к документальному кино, телевизионному в частности? Хотя можно быть уверенным: «Плохо» — никто бы не решился ответить. Возможно, даже сослались бы на свежий положительный пример: вот, мол, только что мы показали новый фильм нашего уважаемого документалиста, почти классика, Игоря Белыева.

И правда ведь — показали. В минувшую субботу, в 15.35. Вместо объявленной передачи «В мире животных» (см. например, «ТВ-парк», официально покупающий программу у ОРТ). Показали после того, как фильм год мариновали сначала в «Останкино», потом в ОРТ, после того, как трижды заявляли его в программе — и трижды эфир отменяли.

Такие игры велись обычно в прежние времена, когда существовала пресловутая «полка» (но ее давно нет), когда с переменным успехом шла борьба за выпуск крамольных, неугодных влиятельным лицам фильмов и передач. Но что, кроме политики «не в том разрезе» и порнографии может сегодня расцениваться как крамола, тем более что ни той ни другой нет в фильме Игоря Белыева «Жил-был фарцовщик»? А

Общая
газ. - 1995-

ЧТО БЫЛО

Жил-был мамонт

сть в нем — судьба. Исключительная судьба обыкновенного человека. История забывшей и раскаявшейся души. Если бы ее придумал романист или пропагандист, она показалась бы, пожалуй, в первом случае — слащавой, во втором — назидательной. Но дело в том, что она реальна — и потому поразительна.

Суть можно изложить в нескольких фразах. Жил-был фарцовщик, мастер валютных операций. Промышлял этим бизнесом еще со времен памятного Фестиваля молодежи и студентов, получил, конечно, срок, едва успев выйти, тотчас снова «прнступил к работе». В 70-е стал запойным алкоголиком, наркоманом. Однажды попал на богослужение в баптистскую церковь. И с того дня, испытыв глубокое потрясение, будто заново родился. Теперь он — регент церковного хора, счастливый муж и отец.

Это лишь сухая фабула. Надо видеть этого человека, его детски-прозрительный взгляд, слышать обезруживающе бесхитростную исповедь, чтобы понять, какой заряд очищения заложен в этом фильме.

Он как будто очень простой — и в то же время многослойный. Вроде бы частный случай — и одновременно история целого поколения, с его мечтами, страстями, иллюзиями, наивностью. Оказалось, о драме «шестидесятников», «детей XX съез-

да» можно рассказать и так — срезав низменный, почвенный слой. На макроуровне — «оттепель» и связанные с ней надежды на свободу. На микроуровне — мелкий валютчик, вечный мальчик, не желающий взрослеть, смутно грезящий о недоступных прелестях американской жизни, кайфующий под звуки джаза, а в сущности — маленький человек, судорожно пытающийся расчистить себе жизненное пространство, свободное от всепроникающего государственного регламента, где он может распоряжаться собой так, как ему вздумается — умно ли, бездарно ли. Крах общественных иллюзий в 70-е резонирует с крахом его собственной маленькой мечты о сладкой и вольной жизни. Наверху — застой, внизу — запой.

Вполне возможно, что в пересказе эти параллели кажутся натужными. Но в фильме они ясно прочтываются, когда монолог героя монтируется с немногими, но очень точными хроникальными кадрами, когда звучат джазовые мелодии Алексея Козлова — кумира «шестидесятников».

Но соль, конечно, — в удивительной метаморфозе героя. В фильме меньше всего умиления обретенной им верой. Просто констатация: человек обрел, наконец, себя. Именно это — настоящая чудо. Самая сильная сцена — в конце фильма: идет по

дорожке парка немолодой, грузный человек, а вокруг него бегают мальчишка. И нет сомнений, что эти двое абсолютно счастливы. И невольно приходит на ум почти вышедшее теперь из употребления слово катарсис.

Такой вот фильм, который ТВ сочло недостойным зрителя. Потому что «достойные» фильмы и передачи не идут в «мертвое» время без всякого объявления. «Достойные» без устали рекламируются в предварительных анонсах, чтобы зритель, не дай Бог, не пропустил очередной зарубежный фильм класса «Б», или телеигру, или музыкальную тусовку. Зато у документального кино на ТВ нет никаких шансов, потому что нет рейтинга, да и быть не может в отсутствие эфира. «Что вы хотите?» — сказал мне Игорь Белыев. — Мамонты вымирают, слоны выживают». Грустная аналогия, особенно если учесть, что мамонты вымерли с наступлением ледникового периода.

Г.Ч.

НАША СПРАВКА. *Белыев Игорь Константинович. Академик Российской Академии телевидения. В «Останкино» пришел 39 лет назад. Его фильмы не раз становились общественным событием. На заре перестройки сделал фильм «Процесс», который был разрешен к показу только после личного вмешательства М.С. Горбачева. В «Русской трагедии» первым сделал попытку создать психологический портрет Сталина. Фильм был положен на «полку», а затем показан в 10 утра и потому резонанса не имел. Уже год Игорь Белыев ничего не снимает — негде и не на что.*

27 июля -
с.13